

Открытка

По старой традиции, в канун 2001 года, Евдокия Евгеньевна стремилась доставить заранее заготовленную поздравительную открытку своим старым друзьям. Пройти до калитки Сенцовых – всего-то один дом, но страшный гололёд пугал, – упадёшь, костей не соберёшь. Опустить открытку незаметно в почтовый ящик не получалось. Она позвонила по телефону:

– Алло! Сенцовы? Митяй, ты, что ли? Выходи на улицу!

Осторожно, держась за забор, она медленно стала перемещаться. До своей калитки еле дошла. Её муж, Михаил, удивился, разглядев в окно свою любимую. Последовал за ней. Куда это уходит его половина? Не хватало ещё, разобьётся.

Не замечая мужа, Евдокия Евгеньевна продвигается, придерживаясь за штакетины своего забора. Забор закончился. Как преодолеть разделяющие дома двадцать метров невозможно скользкой, неровной дороги?

С противоположной стороны её маршрута, от калитки Сенцовых, также держась за забор, слегка отделяется сухая, длинная фигура Дмитрия Захаровича:

– Евдокия! Чаво звола?!

Держась за последний кол забора, Евгеньевна:

– А вот подойди, что отдаам!

– Э-э, сама иди!

Михаил Владимирович, стоя у своей калитки, кричит:

– Чаво к человеку привязалась?

Передразнивая мужа:

– Чаво, чаво? Знаю почему!

Обращаясь к Сенцову:

– Да, иди же, говорю!

– Нет, сама иди!

– Тоже мне рыцарь. Я женщина!

Ладно, давай навстречу друг к другу двигаться!

Стараясь удержаться, очень аккуратно, они стали сближаться. Наконец Елизавета Григорьевна выдохнула:

– Фу... Вот я вас поздравляю. А как – там написано.

Протягивает поздравление.

Дмитрий Захарович, а попросту – Митяй, говорит:

– Наверно надоть поцеловаться?

Евдокия:

– Да мы же упадём и рассыпимся.

Старик, в два раза выше Евдокии, сумел её обнять, а поцелуй состоялся в замедленном «полёте». Падали по-стариковски медленно, как замороженные тараканы, двигая поочередно руками и ногами. Из положения лёжа встали на карачки и молча, не оглядываясь, поползли по направлению к своим домам. Михаил Владимирович из-за больной ноги дальше своей калитки выйти не мог. Он просто вонзил во весь голос:

— Люди добрые! Чаво эт они на глазах законного мужа делают!? Видал, — расползаться стали! Ползи, ползи, я с тобой дома поговорю. Да не вставай на ноги, упадёшь! ...

P.S. Сенцову Дмитрию Захаровичу восемьдесят шесть лет, Евдокии Евгеньевне — семьдесят пять.

Дуэт

Тридцать первое декабря к финишу, а жена не позволяет и рюмки выпить. Загрустил Михаил Владимирович. Поглядывая на его печальные глаза, Евдокия Евгеньевна говорит:

— Давай в этот раз по-человечески. Начнём с шампанского, но только в последний час.

— Как это? Перед смертью, что ль?

— Не болтай. Сегодня после телевизионного поздравления президента.

Сидит Михаил, молчит. Евдокия Евгеньевна:

— Мииш! Что губы развесил? Обиделся видать? Нас Сенцовых в гости ждут, собирайся!

Не узнати мужа: глаза засветились, руки в пиджак с медалями на груди попасть не могут. Берёт балалайку:

— Любовь моя! Твою гитару браать?

— Брать, брать. Всё, что полегче, — тебе брать, а мне донести бы пироги и бутылки.

Перемещение в темноте, да по обледенелой дороге прошло благополучно.

Едва открыв двери дома Марии и Митя Сенцовых — Михаил запел:

— Ах ты, оченька, очка тёмная ..., — удивляя друзей своим мощным голосом. Следом частушки, припевки:

— Что было, то было. Забудь не жалей! Чтоб нос не чесался, мне водки налей! — А ну-ка, Мария! Давай! За тебя и за страну по большому стакану! ...

2001 год, новое столетие в двери входит!

Пожилые соседи умели веселиться. Своя музыка, спаянный пятидесятилетней совместной жизнью дуэт гитары и балалайки, да сопрано с тенором — сбоя не дают!

Дядя Миша

«Марыся! Ты ж кого тяgnеш? Це ж москаль!»

И молоденькая Маруся оставляет раненого и контуженного младшего лейтенанта на пыльной дороге, ведущей в Харьков.

Полк, где служил мой дядя, был окружён. 1942 год. Где-то в штабе, понимая безвыходность ситуации, отправляют на самолёте штабиста Хрущева. Хрущёв забирает командира полка, флаг, документы, и улетает, оставив солдат и офицеров без руководства. Полк построили, и заместитель командира полка по политической части с горечью объявил:

— Ребята! Спасайтесь, кто как может.

Предоставленные сами себе, вышли к реке. С высокого берега увидали баржу, на которой, как они подумали, им на выручку направили «матросиков». Их не забыли, выручка идёт! Бомбёжка прекратилась. На берег высадились люди в чёрном, которые сходу стали расстреливать наших беззащитных ребят. Контуженный и раненый, плохо соображая, девятнадцатилетний мальчишка, истекая кровью, пополз к деревне, где жила украинка Маруся.

Немцы взяли его в плен. До 1945 года Михаил находился в лагере для военнопленных в Германии. Он видел, как о пленных французах, англичанах, заботилась международная организация «Красный крест». Наши же пленные умирали с голода. В немецком лагере Миша подружился с французским парнишкой, который подкармливал его продуктами, а при расставании подарил хорошие швейцарские часы.

Дядя Миша рассказал об одном случае, когда их привели на баржу для разгрузки замороженной картошки. Группой руководил австрийский мастер из пленных. Он всегда жалел Мишу, подсказывал, как себя вести. Когда изголодавшиеся пленные набросились на картошку, мастер сдержал его, сказав: «Забыл? Сейчас охрана расстреливать начнёт». Так и случилось. Но одного скелетообразного мужчину не тронули, позволив съесть целое ведро картошки. Охранники остановили разгрузку, согнали всех посмотреть на итог.... Изdevательски смеясь, ногами добивали умирающего от страшной боли пленного.

Лагерь освободили американцы. Людям предоставили право выбора, куда ехать. Без всяких раздумий дядя Миша сказал:

— Только домой.

Мастер стал ему объяснять, что на родине Сталин отправит всех, бывших в плена, в советские лагеря. Здесь не умер, там умрёшь. Оставайся, помогу устроиться.

Возвратившихся из плена привезли в Подмосковье – на «сортировку». Прошёл слух, что их погонят в Сибирь. Тройка НКВД рассматривала дела бывших военнопленных. Когда подошла очередь дяди Миши, за столом сидел только один майор. Сходу, пользуясь отсутствием двоих «судей», Михаил обратился к майору с просьбой направить его домой и протянул часы. Неизвестно, что повлияло на решение майора. Подарок или замученный вид парнишки?

Вернулся Миша на Родину, в Саратовскую область. Немного поправился, но от головных болей до конца своей жизни не избавился. Спать, как все нормальные люди, он не мог. Ляжет лицом в подушку, руками сжимая голову, поджав под себя колени, стонет – мучается. Боль не даёт ему заснуть. А тут ещё вызывают в соответствующие органы, (что там написал этот майор?) поручают ему доносить, о чём разговаривают в бригаде. Не видя выхода, он решил запить, чтобы поняли, что он – ненадёжный алкоголик. Чтобы от него отстали.

Отстали. ... Но зато он стал выпивать. К тому же, выпив, не чувствовал боли.

Дядя Миша, незадолго до смерти, впервые в жизни рассказал об этом мне.

Светлана

«Далёко, далёко за морем...» – доносится из усадьбы бабушки Панкратовой. Интересно, кто это поёт?

Коля и Маша – внуки Марфы Панкратовой, у которых родители погибли на фронте, никогда не пели. 1949 год. Голодно. Однажды я видела, как двенадцатилетний Коля снимал с яблони гусениц и жадно их поедал. А тут кто-то тонким девичьим голоском выводит мелодию незнакомой мне песенки. В голосе столько печали...

Не выдержав, я вбежала во двор. На порожке пристройки сидела незнакомая девочка. Она чистила картошку. Не замечая меня, в слезах продолжала петь. Я не смогла себя сдержать и, когда зазвучали последние слова песни:

«Прекрасны там горы и воды, и реки там все широки,
все дети там учатся в школах, и славно живут старики...
На реку пойдёшь ли, на север, на запад, восток или юг,
– везде человеку там верный товарищ и друг.
Прошайте! Мы едем за море, в далёкий и радостный путь,
в страну, где не ведают горя, где сможем и мы отдохнуть!»

я уже всхлипывала вместе с ней.

Девочку звали Светланой. Худенькая, немного повыше меня, девочка лет десяти смутилась, утирая слёзы, глядя на меня огромными, серыми, скорбными глазищами. И как только они помещались на её бледном лице?

Мы подружились.

Света жила в семье дяди, снимающего угол у бабушки Марфы Панкратовой. Дядя и его жена уходили, чуть свет, на работу, а все домашние дела и семимесячный малыш ложились на её детские плечи. В конце дня появлялась всем недовольная тётя Тамара. Невольно захочется: «далёко за море».

Из разговоров старших я узнала, что родители Светы служили в полевом госпитале и погибли вместе. Как-то раз мы с ней побежали встречать моего дедушку с работы. Столляр в железнодорожном депо, он всегда приносил домой мешок со стружками, чурочками – протапливать печку.

Вот появилась слегка сгорбленная фигура Григория Ивановича с мешком за плечами. Дедушка увидел нас, поправил свои знаменитые будёновские усы, заулыбался и из кармана залатанной фуфайки достал две «пуговички» – конфетки из молочного сахара! Редкий подарок по тем временам. Он погладил Светлану по голове, взял за руку и мы пошли дальше. Я удивлённо смотрела на них. Почему вдруг Свете оказана такая честь? Я не помню, чтобы меня хоть раз в жизни погладили, или рядышком, взяв за руку, прошли. В лучшем случае в конце дня меня ругали, в худшем – пороли за хулиганство.

Шагая рядом с дедом, я осознала, что по-другому было нельзя.

Света заулыбалась, видя искреннее участие и теплоту моего дедушки.

Под новый год папа из Румынии прислал нам две посылки. В одной были конфеты, шоколадки, копчёный окорок. Во второй – невиданной красоты ткани. В маленьком домике дедушки, где проживало тогда десять человек, неожиданная радость перешла в праздник. Ликовение пятерых детей разгладило лица моих родных. Насытившись, взяв две больших шоколадки, я побежала к своей подружке. Пусть и у неё будет праздник! Дверь в пристройку оказалась запертой на висячий замок. Смеркалось. Было холодно. Я попросила бабушку Марфу передать мой подарок Свете, когда она появится.

Прошло несколько дней. Когда, наконец, мы со Светой встретились, я, вся счастливая, спрашивала её:

– Бабушка передала тебе шоколадки?

В ответ Света болезненно отвернулась:

– Зачем ты мне обглоданные, обгрызенные шоколадки принесла?

Боже мой! Стало бесконечно стыдно за свою бесполковость. В моей голове ведь и мысли не возникло, что бабушкины Коля и Маша – такие же сироты...

Ранней весной Светлану отдали в детский дом. Она прибежала к нам проститься, меня не было дома. Дедушка на дорожку вложил ей в руки кусок чёрного хлеба, натёртый чесноком, смазанный подсолнечным маслом и посыпанный солью, крепко обнял, сказав: «Деточка, тебе там будет легче, милая! Оденут, сытая будешь, знания дадут».

Не забывается Светлана. Её подарок на мой день рождения – дорогая для неё открытка из кинофильма «Тарзан». Где Тарзан, Джейн и обезьянка Чита дружно сидят на бревне.

Как сложилась Светина судьба?

Летом моего папу отзвали из Румынии.

Он забрал нас: «Прощайте! Мы едем на запад, в далёкий неведомый край...» – к Балтийскому морю, в освобождённый от немцев разбитый Кёнигсберг-Калининград.

Руки

Зажгла я малую свечу и ладони стала греть. Приятное тепло растеклось по ладоням, пальцам. Невольно руки, лежащие на столе, и как бы обнимающие свечу, раздвинулись.

Меня поразил вид, освещаемый свечой. Пальцы рук, подушечки, ладони – так рельефно смотрелись... Рассматривала и удивлялась, как давно я в руки свои не заглядывала...

Огарочек свечи. Зачем мне захотелось погреться у него? Он горит и греет, освещает... Я вижу все складочки, бугорки, морщинки, возникшие неизвестно когда звёздочки, дорожки и тропинки.

Боже праведный! Какой же путь мною пройден!? Сколько нужных и глупых переживаний остались на руках следы...

Похоже, уже свободного места на них не осталось. Смотрю и вижу: кроме продольных, появились перечёркивающие их поперечные линии.

Мои рассказы – это моя исповедь и осознание жизненного пути. Может быть, руки отражают и прощение? Поэтому неверные поступки зачёркиваются?

Пальцы рук расслабленно соединены. Между несомкнутых ладоней горит свеча. Промежуток между пальцами и ладонями создаёт контур. Я в нем узнаю... форму церковных куполов...

Меня посещает «открытие»!

Господи! Так может быть формы «луковиц» или богатырского «шлема» на церквях изначально взяты от этих неплотно соединённых ладоней вокруг святого огня?

Немного согни пальчики – форма сердца-«луковицы», чуть выпрями вверх – и вот тебе контур богатырского шлёма.

Огонь греет тело. Свеча отогревает душу в храме.